

**КОРЕЙСКАЯ ДИАСПОРА РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ**

© 2011 Г.П. Ким

Оренбургский государственный университет

Поступила в редакцию 30.11.2010

Модель пересечения государственной политики и этнических запросов корейского народа, не являющегося коренным в России, показательна во многих аспектах. Отношение к национальным меньшинствам, в том числе и к корейцам, регулировалось центральными органами власти как в дореволюционный, так и в советский периоды. Двойственность политики Советского государства по отношению к корейской этнической общности особенно остро проявилась в 30-40-е годы. Началом восстановления исторической справедливости стало специальное Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских корейцев».

Ключевые слова: корейская диаспора, уровень полиэтничности, добровольное переселение, формирование национальной идентичности, Дальневосточная республика, Наркомнац, культурно-национальная автономия, этнополитический фактор, статус депортированного народа, спецпереселенцы, репрессивная политика.

Корейская диаспора за более чем 140-летний период своей российской истории органично вошла в многонациональную структуру страны. Отличительной особенностью российского социума всегда являлся высокий уровень полиэтничности, превышающий в настоящее время мировой показатель более чем в три раза (17% против общемирового индекса иноэтничности в 5%). На всех этапах сложной отечественной истории в России наращивалось этническое, т.е. культурное и конфессиональное многообразие, которое не стерли активные ассимиляционные процессы. В этом плане корейцы представляют интересную модель пересечения государственного и этнического интересов для народа, не являвшегося коренным на территории России, но перенесшего все испытания, выпавшие на долю страны.

Уже первые полвека проживания на российской земле показали, что корейцы в основном относились к России как к новой родине. Так, принимая российское подданство, они, в отличие от китайцев, переходили в православие. 17 мая 1888 года вступил в действие закон, облегчавший условия легализации корейских и китайских переселенцев в стране. Приамурский генерал-губернатор получил на 10 лет право принимать указанные выше народы в российское подданство при условии согласования с министром внутренних дел¹. Такой факт, что в 1914 году предполагалось отметить полувековую дату добровольного переселения корейцев в Россию, наглядно свидетельствует о мирном и добрососедском проживании на Дальнем Востоке этого народа, активной его интеграции в российское

Ким Галина Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России. E-mail: galinakim@bk.ru

общество. Исполнению замысла помешало начало I мировой войны.

Юбилейные издания 2004 года² дают достаточно широкое представление о российском корееведении в прошлом и настоящем, основных трудах и персоналиях этого направления исследований в отечественной науке. Вклад отдельных ученых в разработку корейской тематики вызывает неподдельный интерес и глубокое уважение³. Однако вопрос о влиянии национальной политики России на корейскую диаспору не относится к числу хорошо разработанных в отечественной историографии.

Развитие революционного движения в России в конце XIX - начале XX века показало вовлеченность в этот процесс широких народных масс разных национальностей, в том числе и корейцев. Они были активными участниками революционных событий в Приморье и других районах Дальнего Востока и Сибири, внесли свой вклад в широкое партизанское движение в указанных регионах. В когорте борцов за установление Советской власти есть и корейские имена: Ге Бон У, Кан Сан Дин, Ким Ген Чен, Ли Дон Хви, Пак Чин Сун и др.

С начала установления Советской власти на территории страны государственная национальная политика реализовывалась в 1917-1924 гг. через Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац)⁴. После его роспуска национальными проблемами в 1925-1938 гг. занимались отдел национальностей и Совет национальностей ЦИК Союза ССР. Органы такого рода были насущно необходимы хотя бы потому, что из 136, 9 млн. человек населения страны (1922) примерно половину (около 65 млн.) составляли

невеликороссы. Партия большевиков, не имея опыта национального строительства государства, столкнулась с целым рядом проблем, решение которых имело как позитивные, так и негативные стороны⁵.

Позитивные аспекты проявились, например, в развитии национальных культур и образования, в создании промышленности в союзных республиках и т.п. Негативные явления в первую очередь объяснялись отсутствием положительного опыта национальной политики многонационального государства. Так, например, границы национальных структур при создании СССР устанавливались без должного учета вековых традиций.

В последние полтора десятилетия советская национальная политика вызвала многочисленные споры и дискуссии как в отечественной науке, так и в зарубежной⁶. Проблема роли и значения этнополитического фактора в истории XX века, безусловно, не может быть замкнута сама на себе хотя бы потому, что она прямо проецируется на процесс распада советского многонационального государства. Трудно не согласиться с мнением Джереми Смита о том, что «постоянно растущий объем литературы по вопросам национальной политики и национальной идентичности выдвигает на первый план задачу разработки модели, позволяющей выделить государственную политику как фактор, способствовавший или препятствовавший формированию национальной идентичности»⁷.

Характеристика особенностей национальной политики советского государства по отношению к корейцам в хронологическом плане начинается с национальной политики Дальневосточной республики /ДВР/. Самое общее представление об этом государственном образовании таково: демократическая республика в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке в 1920-1922 гг., буферное государство между Советской Россией и Японией⁸. Уникальность осуществления в ДВР практики культурно-национальной автономии пока остается за рамками серьезных исторических трудов.

Обзор литературы по данной теме, сделанный И.В. Нам, следует признать вполне объективным, определяющим приоритетные направления исследований. Рассматривая опыт культурно-национальной автономии в России на примере ДВР, автор выделяет из полиэтничного пласта населения региона многочисленные группы пришлых этнических меньшинств, в том числе и корейцев, сопоставляет основные этапы и мероприятия культурно-просветительских этнических организаций. Очень важным следует считать уточнение, что «пришлые национальные меньшинства либо оставались вне поля зрения исследователей, либо политика в отношении них, осуществляемая на

основе культурно-национальной автономии, подавалась преимущественно в критическом свете, как не соответствующая большевистской национальной политике»⁹.

С мая 1917 по ноябрь 1921 года корейское население ДВР вовлекалось в работу Всероссийского корейского национального союза, переименованного в 1919 г. во Всекорейский национальный совет; подкомиссии Учредительного собрания по туземным делам; Министерства национальных дел, где был создан в числе прочих корейский отдел; областных национальных отделов коллегий и т.п.

Работа национальных организаций и областных отделов, крайне затрудненная условиями гражданской войны и японской интервенцией, тем не менее давала определенные результаты: были организованы национальные школы, печатные издания на языках национальных меньшинств. В перспективе предполагалось открыть в областных центрах национальные театры, библиотеки, издать учебники для национальных школ и т.п.

По мере усиления большевиков в руководстве ДВР практика национального строительства все более соответствовала большевистской теории решения национального вопроса в Советской России. Вследствие этого 12 октября 1922 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение упразднить ДВР, что положило начало массовым арестам некоммунистических лидеров и активистов национальных движений. Некоторые национальные лидеры еще продолжали надеяться на осуществление идеи автономии. Например, кореец-коммунист Хан Менше в декабре 1922 года обратился в высшие органы РСФСР – РВС, Наркомнац, Наркомат по земледелию – с предложениями о национально-культурном самоопределении корейцев. Но с отменой Конституции ДВР, являвшейся гарантом воплощения идеи культурно-национальной автономии, уже нельзя было надеяться на рассмотрение подобных проектов.

По предположениям некоторых исследователей, именно к этому времени относятся первые подходы к вопросу о депортации всех корейцев из Приморья¹⁰. Вполне возможно, что подъем национального самосознания и этнической мобилизации корейского народа серьезно насторожил Сталина и его окружение. Пресечение этих явлений было осуществлено антиконституционными репрессивными акциями 1937-1938 гг.

Двойственность политики Советского государства в отношении этнических общностей продолжала осуществляться по отношению к корейской диаспоре и после депортации в Среднюю Азию и Казахстан. С одной стороны, участие корейцев в установлении советской власти, в советском государственном строительстве, в под-

нятии экономики районов проживания неоспоримо. С другой – корейцы стали первыми жертвами репрессий, учинявшихся по политическим мотивам и национальным признакам.

Сам факт принудительных мер властей повлек за собой определенный статус «спецпереселенца без права свободного передвижения». Следует также отметить, что в определении статуса депортированного корейского народа в исследовательской литературе нет единства. Так, В. Бердинских характеризует спецпоселения как акции прежде всего национально ориентированные, осуществляющие политику кнута для целых народов, внедряющие страх в кровь и гены нации. Процесс перевода корейцев на режим спецпоселения ученый датирует летом 1945 года. Капитуляция Японии прекращает этот процесс, следовательно, по мнению В. Бердинских, корейцы так и не стали спецпоселенцами, формально считаясь «административно высланными»¹¹.

А.Х. Рахманкулова, обращаясь к вопросу об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х – 1940-е годы, утверждает: «во всех официальных документах того периода депортированные народы определялись как «спецпереселенцы», что помимо жесткого надзора означало целый ряд мер по ограничению их гражданских прав». Среди народов, насильственно высланных в Узбекистан, первыми были корейцы, их численность в республике в октябре-ноябре 1937 года составляла 74,5 тысячи (16307 семей)¹². В исторической памяти корейского народа навечно запечатлелись картины этой трагедии: «Помню, как нас гнали пешком 45 километров до железнодорожной станции Анучино, где сутки держали под проливным осенним дождем вдоль железнодорожного полотна, а потом погрузили в теплушки... по 4 семьи и привезли в город Беговат Узбекской ССР...»¹³.

На двойственность статуса корейцев указывает и крупнейший исследователь проблемы депортации российских народов Н.Ф. Бугай¹⁴.

Процессы размещения, устройства и адаптации переселенцев в новой природной и этнической среде проходили чрезвычайно тяжело. «В назначенное время пригнали военные машины, нас погрузили и повезли до ближайшей железнодорожной станции. Там погрузили в товарные вагоны... Ехали 25 дней. Привезли большую часть нашего колхоза, образовавшегося в 1929 году, в пустынные степи Кзыл-Ординской области во второй половине ноября. Днем было тепло, а ночью уже холодно. Стали рыть землянки на зиму...»¹⁵.

В местах нового поселения распались сложившиеся на Дальнем Востоке корейские трудовые коллективы, люди становились нищими,

часто просто гибли. Данные переписи населения 1939 года свидетельствовали: в 1938 году из каждой тысячи корейцев умерло 42, а детская смертность составила 200 человек на каждую тысячу – умер каждый пятый ребенок! В настоящее время ряд историков и демографов выразили сомнения в объективности некоторых данных этой переписи, так как она должна была скрыть масштабы сталинского геноцида. Количество же умерших в горестном «дальневосточном экспрессе» никогда никем не учитывалось.

В.Б. Жиромская, анализируя демографическую ситуацию в стране в период с 1926 по 1939 г., определяет её как очень сложную. Большие изменения в численности и размещении населяющих Россию народов, по мнению исследователя, «в значительной степени... были связаны с интенсивными миграционными потоками населения, в том числе насильственными».¹⁶

Выселение сопровождалось дополнительными репрессиями. Уже на следующий день после принятия Постановления о высылке корейцев нарком внутренних дел Н. Ежов приказал начальнику НКВД Дальневосточного края Г. Люшкову ускоренным порядком разобраться со всеми корейцами, ведущими антисоветскую пропаганду, сводившуюся в основном к недовольству необоснованным выселением, подозреваемыми в шпионаже, в связях с границей, в ведении контрреволюционной деятельности. Часть подозреваемых арестовали в Дальневосточном крае, остальных – в эшелонах и на месте высылки. Вот лишь один пример: Пак Антон Семенович, 1917 г. р., крестьянин, член ВКП(б) с ноября 1930 г. по март 1935 г. 13 марта 1935 года исключен из рядов партии Сахалинским обкомом ВКП(б) за распространение антисоветской клеветы об отношении партии и советской власти к корейцам. Дважды А.С. Пак пытался доказать необоснованное исключение из партии, но безуспешно.

Арестован он был после переселения в Казахстан в июне 1938 года. Обвинен в проведении шпионской деятельности в пользу Японии, антисоветской агитации и по статье 58-6 УК РСФСР постановлением тройки УНКВД от 29 сентября 1938 года приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 3 октября того же года.

Реабилитирован А.С. Пак посмертно в 1989 году с восстановлением в рядах КПСС с ноября 1930 года.¹⁷

Страшная 58-я статья, конечно, не делила людей по национальности или гражданству, горькую участь репрессивной политики Советского государства разделили в стране миллионы.

Великая Отечественная война стала общим испытанием на стойкость, преданность Родине, проверкой лучших человеческих и гражданских

качеств. Для депортированных народов и этот период явился продолжением сталинской национальной политики. Корейцы также обращались в военкоматы с заявлениями о зачислении их добровольцами в действующую армию. Отказы воспринимались как недоверие со стороны советской власти, ущемление гражданских прав, патриотических устремлений. Выявленные современными историками факты участия корейцев в боевых действиях, проявления самоотверженности и героизма, удостоенных самых высоких наград, не могут считаться полными, т.к. зачастую в силу объективных причин национальную принадлежность приходилось скрывать. Так, в 1942-1946 годах трудоспособное корейское население призывалось только в трудовые армии и рабочие батальоны. Деятельность таких подразделений, где вместе с корейцами находились немцы, финны, крымские татары, регламентировалась специальной инструкцией НКВД СССР от 24 декабря 1942 года. Тяжелейшие условия труда, несоблюдение режима содержания, массовые инфекционные заболевания были в те годы естественным явлением¹⁸. Однако несмотря ни на что гражданский долг воспринимался корейцами как посильный вклад в победу над фашизмом. Впервые трудармейские формирования стали изучаться как специфический элемент производительных сил советского общества и одно из проявлений национальной политики по отношению к депортированным народам с начала 2000-х годов.

Окончание войны породило надежду на отмену надуманных оснований для «особого» режима депортированных народов. Однако ведомство Берии даже усугубило их участь, «навечно» закрепив в местах новых поселений. Преступные действия властей продолжались внутри страны и за рубежом и в послесталинский период¹⁹.

Послевоенная история дает немало примеров, подтверждающих стремление корейцев доказать причастность к своей второй Родине. В 1946 году по Указу Верховного Совета СССР в гражданстве восстанавливались те, кто утратил его в силу разных причин: имели прежде гражданство Российской империи, не смогли продлить советское гражданство, обрели другое гражданство в связи с браком и др. Большое количество реэмигрантов из Китая прибыло в страну в 50-е годы прошлого века в период освоения целины. Были среди них и корейцы, обращавшие свои помыслы к СССР как к родине, с которой имели кровные связи.

В Центре документации новейшей истории Оренбургской области хранится несколько десятков дел реэмигрантов из Китая, переданных в начале 90-х годов в ЦДНИ ОО в составе фон-

да УФСБ по Оренбургской области²⁰. Анализ рассматриваемых дел, сопоставление дат, фактов, упоминавшихся в них, свидетельствуют о том, что решения реэмигрантами принимались сознательно. Многие честно изложенные в автобиографиях эпизоды могли быть истолкованы не в их пользу: нелегальный переход границы, утрата советского гражданства, служба в царской и белой армиях, работа в иностранных фирмах, браки с иностранцами, родственники, выехавшие в страны Европы, Америку, Австралию. Во всех делах эта информация выделена проверяющими органами.

Связь с родственниками, оставшимися в России, прерывается в основном в 30-е годы. По ряду косвенных обстоятельств можно предположить, что их судьбы трагически оборвались в годы репрессий.

Закон «О реабилитации репрессированных народов», принятый в июне 1991 года, повлек за собой многочисленные дискуссии, продолжавшиеся на протяжении длительного времени. Только 1 апреля 1993 года появилось специальное Постановление Верховного Совета Российской Федерации «О реабилитации российских корейцев».

Прошедшие со дня принятия этого документа 15 лет позволяют сделать некоторые выводы:

- узы гражданственности, патриотизма, общей исторической памяти объединяют разные поколения россиян вне зависимости от национальных характеристик;
- корейцы – граждане России имеют статус, основанный на ст.13 Закона «О гражданстве РФ». Вернувшиеся в страну после 28.11.92 г. приобретают гражданство РФ по собственному ходатайству;
- корейцы имеют высокий показатель по уровню высшего образования (по отношению к численности диаспоры в России), но школа с корейским этнокультурным компонентом в стране всего одна;
- создано общероссийское объединение корейцев в г.Москва;
- в ряде республик, краев и областей созданы национально-культурные центры;
- начали издаваться газеты и журналы на корейском языке;
- усиливаются контакты с зарубежными корейцами – в КНДР и Республике Корея

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нестерова Е. Китайцы на российском Дальнем Востоке: люди и судьбы //Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 2000. №1.

² Серия «Российское корееведение в прошлом и настоящем». Т.1 Жизнь и труд посветившие Корею. М, 2004. Т.2. Корееведение в России: история и современность.

- М., 2004.; *Бугай Н.Ф.* Испытание временем. М., 2004; *Бугай Н.Ф.* Корейцы в Союзе ССР – России: XX-й век. История в документах. М.: ИИНСАН, 2004, и др.
- ³ *Ли В.Ф.* «Белая книга» о депортации корейского населения России в 30-40-х годах. М.: Интерпракс, 1992; *Бугай Н.Ф.* Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории 1994. №6; *Бугай Н.Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизация (Опыт корейцев России). М., 1998; *Пак Б.Д.* Корейцы в СССР. М., 2004 и др.
- ⁴ *Чеботарева В.Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917-1924. М., 2003.
- ⁵ *Хмара Н.И.* Из опыта национально-государственного строительства в СССР (1920-е–1930-е годы) // Отечественная история. 2006. №3.
- ⁶ Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань, 2004; Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005.
- ⁷ *Смит Джеремии.* Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели // Новая имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio»). Казань, 2004.
- ⁸ Советский Энциклопедический Словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981.
- ⁹ *Нам И.В.* Культурно-национальная автономия в России: опыт Дальневосточной республики // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Изд-во «Социально-политическая мысль», 2005.
- ¹⁰ *Нам И.В.* Указ. соч. С.184; *Сон Ж.Г.* 1920-1930-е годы. Народ и власть: трансформация взаимодействия (на примере корейской этнической общности) // Власть и общество в России: опыт истории и современность. 1906-2006 гг. К 100-летию российского парламентаризма. Материалы Всероссийской н/п конференции. Краснодар, 2006.
- ¹¹ *Бердинских В.А.* Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России: фотодокументы. Научный проект «Репрессированные народы». Киров: Кировская областная типография, 2003.
- ¹² *Рахманкулова А.Х.* Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х–1940-е годы // Этнографическое обозрение, 2006, №5.
- ¹³ Полевые материалы автора, 1992, тетрадь 1: воспоминания Кима А.А., 1932 г.р.
- ¹⁴ *Бугай Н.Ф.* Выселение советских корейцев с Дальнего Востока // Вопросы истории. 1994. №6.
- ¹⁵ Полевые материалы автора, 1992, тетрадь 1: воспоминания Кима П.И., 1912 г.р.
- ¹⁶ *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное М., 2001.
- ¹⁷ *Ким Г.П.* История репрессий корейцев в 30-е годы XX века в устных рассказах и документах // Проблемы этнической истории и культуры российских корейцев. Материалы областной научно-практической конференции, посвященной 140-летию добровольного переселения корейцев в Россию. Оренбург, 2005.
- ¹⁸ *Сон Ж.Г.* Российские корейцы: проблема призыва в Красную Армию и участие в трудовом фронте (1937-1945 гг.) // Великая Отечественная война в контексте истории XX века. Материалы международной научно-практической конференции. Краснодар, 2005; Рядовая история рядового корейца // Корё Сарам. Выпуск первый, 1992.
- ¹⁹ *Кан А.С.* Постсоветские исследования о политических репрессиях в России и СССР // Отечественная история. 2003. №6.
- ²⁰ ЦДНИ ОО. Ф.8003. Оп.2. ДД.1-31.

THE KOREAN DIASPORA IN RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE STATE'S ETHNIC POLICY

© 2011 G.P. Kim

Orenburg State University

The model of intersection of state policy and ethnic demands of the Korean diaspora (non-indigenous in Russia) is representative in many aspects. The attitude towards Korean ethnic minority as well as other ethnic minorities was regulated by the central authorities both in pre-revolutionary and Soviet periods. The duality of the Soviet policy toward the Korean ethnic group became apparent in 1930s-1940s. The special resolution of the Supreme Soviet of the Russian Federation "On exculpation of the Koreans in Russia" marked the beginning of restoration of historical justice.

Key words: Korean diaspora, level of multiethnicity, voluntary resettlement, formation of ethnic identity, Far Eastern Republic, People's Commissariat of Nationalities, cultural-national autonomy, ethno-political factor, status of deported ethnic group, "special settler", repressive policy.